

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'42:821.161.1-312.6

В.Н. Абашина

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЯЗЫКОМ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ Н. БЕРБЕРОВОЙ «КУРСИВ МОЙ»: ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

В. М. Абашина

ЗИ СПОСТЕРЕЖЕНЬ НАД МОВОЮ АВТОБІОГРАФІЧНОЇ ПРОЗИ Н. БЕРБЕРОВОЇ «КУРСИВ МІЙ»: ВСТАВЛЕНІ КОНСТРУКЦІЇ

Стаття присвячена аналізу тексту автобіографічної прози Н. Берберової «Курсив мій». Увага зосереджена на вставлених конструкціях як одному із зображувальних засобів мови. Вивчаються прийоми індивідуально-авторського використання вставок, їх участь у втіленні авторського задуму, просліджується зв'язок із особливостями поетичного мислення. Виявлена висока частотність використання проаналізованих одиниць в тексті.

Ключові слова: текст, вставлені конструкції, зображувальні засоби мови, Н. Берберова.

В.Н. Абашина

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЯЗЫКОМ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ Н. БЕРБЕРОВОЙ «КУРСИВ МОЙ»: ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Статья посвящена анализу текста автобиографической прозы Н. Берберовой «Курсив мой». Внимание сосредоточено на вставных конструкциях как одном из изобразительных средств языка. Изучаются приемы индивидуально-авторского использования вставок, их участие в воплощении авторского замысла, прослеживается связь с особенностями поэтического мышления. Выведена высокая частотность использования анализируемых единиц в тексте.

Ключевые слова: текст, вставные конструкции, изобразительные средства языка, Н. Берберова

V. N. Abashyna

THE OBSERVATION OF LANGUAGE OF N. BERBEROVA'S AUTOBIOGRAPHICAL PROSE «THE ITALICS ARE MINE»: INSERTED CONSTRUCTIONS

The author analyse the text of N. Berberova's autobiographical prose «The Italics Are Mine». This article is devoted to inserted constructions as one of the representative means of a language. Manner of individual author's use of insets, their part in realization of author's conception and connection with peculiarity of poetic thinking are studied. Frequency of use of analyzed units in text is revealed.

Key words: text, inserted constructions, representative means of a language, N. Berberova

Для выполнения предлагаемого вниманию исследования были два повода. Первый связан с творческим наследием Н.Н.Берберовой, и в частности, с ее вызвавшей широкий интерес книгой-автобиографией «Курсив мой». В этой книге обращает на себя внимание не только ее глубокое культурологическое содержание, но и тот русский язык, которым она написана. Известно, что Н.Н. Берберова прожила за границей – во Франции, а затем в Америке – более 60 лет, но ее русский язык остался просто великолепным. И это не случайно, поскольку писатель сама охарактеризовала свое отношение к русскому языку следующим образом: «Русский язык для меня – всё... Должна сказать, что никогда не могла утратить полнейшей связи с русским языком, то есть я выросла в этот язык».

Второй повод более прозаичен: это результаты наблюдений за современной практикой языкового общения. Освободившись за последние два

десятилетия от идеологических рамок и установок, русский язык оказался беззащитным перед процессами так называемой демократизации и либерализации. Данные процессы, на первый взгляд, казались бы позитивными в свете произошедших в нулевые годы перемен в социальной жизни, стали активно проявляться в расшатывании традиционных литературных норм, стилистическом снижении устной и письменной речи, заметной вульгаризации бытовой сферы общения. Это, в конечном счете, приводит к падению общего уровня речевой культуры говорящих на русском языке. И хотя М.А. Кронгауз в книге с весьма знаковым названием «Русский язык на грани нервного срыва» делает заключение о том, что слухи о скорой смерти русского языка сильно преувеличены [3, с. 215], одновременно звучит призыв все-таки беспокоиться о нем.

Говоря о современной речевой практике, имеем в виду не только устную форму использо-

вания русского языка, но и ее письменную форму, в частности, язык художественной и публицистической речи. Наблюдения показали, что современные писатели часто в такой степени упрощают синтаксический строй своих текстов, что в предложении остается минимум синтаксических членов – подлежащее, сказуемое и один из второстепенных членов – дополнение или обстоятельство. Конечно, отчасти такая констатация есть некоторое преувеличение, но отрицать обозначенную тенденцию весьма затруднительно, если обратиться, например, к текстам современной женской прозы и внимательно вчитаться в них. Проявлять профессиональный интерес к этому процессу необходимо уже в силу того, что «чрезмерная упрощенность изложения приводит к примитивизации текста, отказу от стремления передать индивидуально-авторское видение мира» [5, с. 9]. Тот русский язык, которым пользовалась Н.Н. Берберова, не идет ни в какое сравнение с этими новыми случаями, а значит, его нужно изучать, и главное, предлагать в качестве образца. На примере лишь одного из широкого репертуара известных языковых средств выражения и, соответственно, изображения – таким средством стали вставные конструкции – хотелось бы показать, как мастер русского слова Н.Н. Берберова может достигать эстетического успеха. Из этого и последовало определение исследовательской цели – выявление отношения автора к вставным конструкциям как одному из языковых средств реализации художественного замысла. Выбор вставных конструкций в качестве объекта наблюдений не был случайным, этот выбор подсказал сам текст книги «Курсив мой», где, как показали наблюдения, встречаемость вставок чрезвычайно высока. Г.О. Винокур, один из создателей поэтического языкознания, в свое время заметил: «Даже тогда, когда мы имеем дело с чисто грамматическим материалом, известные психологические закономерности могут открываться в том, в каком внеграмматическом соотношении, например количественном, находятся эти отдельные грамматические факты между собой» [2, с. 47]. В собственно грамматическом материале – во вставных конструкциях – хотелось увидеть особенности мировосприятия автора.

Согласно существующим теоретическим и учебно-методическим установкам вставные конструкции используются для внесения в предложение или текст дополнительных сведений: разъяснений, уточнений, поправок. Тем самым вставки «увеличивают содержательно-информационные объем предложения» [4, с. 49]. С точки зрения собственно грамматической (структурной), – это такие элементы, которые, представляя «собой синтаксическую периферию» [7, с. 3], осложняют формальную структуру синтаксической конструкции, лежащей в основе образуемого высказывания. Отсюда их

формально-грамматический статус как факультативного синтаксического явления: совсем не обязательно, чтобы каждое образуемое высказывание имело в своем составе осложняющие конструкции, в том числе и вставные. Вместе с тем, вставные конструкции признаны, получив специальное терминологическое определение парантезы, особой стилистической фигурой и даже, как отмечает А.П. Сковородников, «могут быть характерной чертой индивидуального стиля того или иного писателя» [6, с. 86]. Как оказалось, для Н.Н. Берберовой вставки – это, с одной стороны, далеко не факультативное изобразительное средство, о чем говорят уже их количественные параметры, с другой же, это действительно одна из наиболее характерных особенностей ее художественного стиля, в значительной степени определяющая его своеобразие, во всяком случае, того, который представлен в анализируемой книге.

Автор «Курсива» прибегает к вставным конструкциям, когда ощущает необходимость уточнить некоторые сведения: а именно, конкретизировать информацию о времени: *Свадьба состоялась в январе 1900 года, а в августе следующего года (8-го числа) я родилась в том доме на Большой Морской, который позже был переделан в Яхт-клуб (с.56)*¹ или *В полночь (когда на самом деле было всего половина девятого) солнце высоко стояло в небе, а надо было ложиться спать (с.142)*, также о месте происшедшего: *В огромных промерзших залах особняка (на Исаакиевской площади) собрались все те же (с.174)*. В конкретизации, с ее точки зрения, может нуждаться одновременно и время, и место описываемого события: *Об этом пении (не Кузьмина только) Мережковский говорил мне однажды (в Париже, в 1928 году), что «оно идет от Пушкина» (с.99)*.

Нередко во вставках писатель передает свои эмоции, как в следующих случаях: *Переменной она (революция) могла быть для буржуев, для царей, для врангелей, для контрреволюционеров (и поделом!), но не для меня (с.136); Еще зимой мне пришла посылка из Северной Ирландии (да, да, оказалось, что на свете есть такая страна) от двоюродной сестры, вышедшей замуж за англичанина (с.176); Но она все не уходит, она предлагает мне чаю, котлетку и – верх ужаса, от которого я леденею, – почитать вслух (с.48)*. Надо отметить, что это привычная для вставных конструкций функция, отраженная в их лексикографических представлениях, за исключением, пожалуй, одного – Лингвистического энциклопедического словаря (М., 1990), в котором вообще отсутствует

¹ Все примеры даются по изданию: Н. Берберова. Курсив мой: Автобиография. – М.: Согласие, 1996. Анализируемые вставные конструкции выделяются полужирным шрифтом.

терминологическое описание данного языкового факта. Вместе с тем в ходе анализа было замечено, что автор значительно расширяет функциональную нагрузку таких конструкций, прибегая к ним для того, чтобы, не отвлекаясь от основного сообщения, дать читателю более глубокую содержательную информацию, а зачастую представить собственное видение и понимание мира. И этот прием отработан Н.Н.Берберовой просто блестяще.

Обратимся к примеру: *В «Днях» вышел ко мне Зензинов (эсер, в свое время упустивший Азефа) и, пугливо озираясь по сторонам, объяснил, что денег нет и не будет, что газета ликвидируется* (с.268). Во вставке Н.Н.Берберова, не прерывая основной линии повествования о некотором эпизоде своей жизни с Владиславом Ходасевичем в эмиграции, сообщает читателю, к какой именно партии принадлежал человек, о котором она ведет речь, более того, о его роли в тех предреволюционных событиях – *в свое время упустил известного провокатора Азефа*. Поданная во вставной конструкции информация уже не может быть определена как дополнительная, она оказывается не менее важной, чем представленная в собственно прецизированной части синтаксической структуры.

Аналогичную смысловую нагрузку несет вставная конструкция в следующем случае: *В 1937 году где-то в грязной, вонючей улице около Севастопольского бульвара (много в Париже улиц нашего позора: Севастопольский бульвар, Аустерлицкий мост, авеню Малаков, бульвар Инкерман) я нашла небольшую комячейку, ведавшую показом советских лент, которые по причине их низкого качества и грубой пропаганды коммерчески в Париже не показывались* (с.61). И в этой ситуации, не считая нужным отклоняться от обсуждаемой темы (а ведется речь об отце писательницы), автор посредством вставки доносит до читателя свое восприятие и свою оценку некоторых значимых для истории России событий: *много в Париже улиц нашего позора: Севастопольский бульвар, Аустерлицкий мост, авеню Малаков, бульвар Инкерман*. О возможности передать авторское отношение писал Г.О.Винокур: «...в языке говорящий или пишущий не только передает тем, к кому он обращается, то или иное содержание, но показывает одновременно, как он сам переживает сообщаемое» [2, с. 44].

Привлекая вставные конструкции, Н.Н.Берберова создает как бы параллельную основную картину описываемой действительности: *Наташа Шкловская записалась в партию левых эсеров (она была арестована, после убийства Мирбаха), Надя Оцуп – в партию большевиков (она погибла как троцкистка), Соня Р. – в партию правых эсеров (это она покончила с собой), Люся М. – в кадетскую партию (она была застрелена*

при бегстве за границу) (с.112). Причем этот прием активен, встречается в тексте не единожды, становясь тем самым уже индивидуальным авторским изобразительным приемом. Здесь уже можно говорить о том, что авторский текст приобретает как бы полифоническое звучание.

Обратим внимание еще на одну особенность в использовании вставок. Организуя свой текст, писатель находит им достаточно своеобразное применение. Нередко Н.Н. Берберова оформляет некоторую информацию не вполне ожидаемой синтаксической конструкцией, а вставкой: *Первую комнату от входа решено было отдать под «понедельники» (в память Гумилева и его понедельничной студии «Звучащая раковина»)* (с.159), – где предпочитает вставку второстепенному синтаксическому члену предложения с обстоятельственной семантикой. И на вставку заинтересованный читатель уже не может не обратить внимания, поскольку такая вставка попадает в коммуникативно акцентированную позицию, о чем может свидетельствовать сравнение приведенного выше авторского и трансформированного вариантов: *Первую комнату от входа решено было отдать под «понедельники» в память Гумилева и его понедельничной студии «Звучащая раковина»*. Еще чаще в качестве вставки выступают предикативные части сложного предложения. Это может быть придаточная часть сложноподчиненного предложения: *Там он (Гумилев) учил писать стихи (что так раздражало Блока)* (с.149) или *Явилась «секретарша» – мать поэта Сергея Колбасьева (о котором Георгий Иванов без особых оснований написал в «Петербургских зимах» как о доносчике)* (с.144); *Еще немного, и я, вероятно, нашла бы путь в восьмой класс гимназии (потому что надо было во что бы то ни стало одолеть тригонометрию и латынь), в библиотеку, в собрание, где кто-нибудь что-нибудь уронил бы в мои пустые ладони, в общество великих, от которых я ждала всего, и в общество малых, с которыми я могла бы вместе подняться из этого падения* (с.127). В тексте книги зафиксированы также неединичные примеры, когда вставной конструкцией оформляется часть сложносочиненного предложения: *Она тогда мне показалась вся фарфоровая (а я, к моему огорчению, считала себя чугуновой)* (с.300). А иногда во вставке оказываются одновременно и синтаксический член, и придаточная часть: *Из его (Мережковского) писаний за время эмиграции все умерло – от «Царства Антихриста» до «Паскаля» (и «Лютера», который, кажется, еще и не издан)* (с.285). И даже конструкцию, обычно используемую как вводную, Н.Н. Берберова может подать в своем документально-биографическом исследовании как вставную: *В тот вечер я впервые увидела ее (она была со своим мужем, Петровым, позже уехавшим в*

Южную Америку), ее фиалковые глаза (как тогда говорили), ее женственную фигуру, детские руки, и услышала ее речь с небольшим заиканием, придававшим ей еще большую беззащитность и прелесть (с.299). Во всех рассмотренных случаях имеет место ослабление формальных синтаксических связей за счет семантических: отдельная синтаксическая единица (второстепенный член, предикативная часть сложного предложения, вводная конструкция) приобретает способность стать законченным и самостоятельным синтаксическим целым, свободным от синтаксической зависимости по отношению к единицам, иерархически более высоким.

В теоретических сведениях о вставных конструкциях обязательным сюжетом представлена их характеристика с точки зрения языкового статуса, где констатируется возможность их оформления отдельным словом, словосочетанием и предикативной единицей, всегда располагающимися внутри основной синтаксической конструкции. Проанализированный материал показывает и другие возможности. В художественном языке Н.Берберовой функцию вставного компонента нередко получают отдельные самостоятельные предложения – простые или сложные. Об этом сигнализирует, в частности, их пунктуационное оформление – такие предложения заключаются автором в скобки, являющиеся, как известно, основным пунктуационным сигналом вставки: *Лекции начинались около четырех и шли часов до семи-восьми: Томашевский, Эйхенбаум, Бернштейн, другие... (Тынянов в ту зиму был в Москве.)* (с.158).

Но что еще более показательно, оформленным как вставка может оказаться отдельный абзац: *Но я знаю также, что во всякой действительности есть элемент бессмысленности, во всякой цели – абсурд и в каждой цивилизации – жестокость. Но ведь природа-мать, пожалуй, еще страшнее, жесточе и бессмысленнее? Так уж лучше это, чем то! (Да, природа-мать уже и тогда, как и теперь мне казалась страшнее цивилизации: теперь я знаю, что она потому страшнее, что она, во-первых, детерминирована, а цивилизация – нет. А во-вторых – мы же сами часть природы, а что же может быть страшнее, и жесточе, и бессмысленнее человека? И конечно – важнее, интереснее его? Впрочем, не есть ли цивилизация часть природы, и весь прогресс, то есть вся наша реальность, не есть ли часть эволюции?)* (с.265). И такие примеры, надо подчеркнуть, были в книге не единичными.

Анализ функциональных возможностей вставок хотелось бы заключить еще одним примером из текста книги. Н. Берберова пишет о И. Бунине в своих воспоминаниях не единожды, поскольку их общение в эмиграции было длительным. Известно, что исследователи творчества И. Бунина выразили свое отношение к Нине Ни-

колаевне, пеняя ей за несколько эпизодов, связанных с Буниным. Среди этих эпизодов и тот, который попал в поле зрения в связи с изучением вставок. Автор описывает одно из своих посещений Ивана Алексеевича, которое оказалось последним: *В последний раз я пришла к нему в 1947 или 1948 году, после моих поездок в Швецию, где я исполняла некоторые его поручения к переводчику и издателю его шведских переводов. Я вошла в переднюю. Посреди передней стоял полный до краев ночной горшок, Бунин, видимо, выставлял его со злости на кого-то, кто его не вынес вовремя.* Далее следует часть текста, где рассказывается о том, как Бунин принимал у себя известного в эмигрантских кругах коллаборациониста Клягина. И оканчивается этот эпизод так: *Бунин сказал: – Это Клягин, друг мой единственный. Великий писатель земли русской. Всем вам у него учиться надо.*

Я прошла через переднюю (горшка уже не было), вышла на лестницу, на улицу Оффенбах, и больше уже никогда не вернулась (с.298). Нужно признать, что порой Берберова бывала очень резка в суждениях, может быть, даже излишне саркастична. И этот свой сарказм она могла представить, в том числе и во вставных конструкциях.

Попутно заметим, что собственно берберовские вставки представляют собой неисчерпаемый источник фактической информации для литературоведов. Именно из них можно почерпнуть весьма интересную историко-культурную информацию о многих знаковых представителях того времени: о Ходасевиче – *Мы приехали в Херингсдорф к Горькому 27 августа 1922 года (Ходасевич уже был там в начале июля, сейчас же по приезде в Германию)* (с.208); о Горьком – *Я слышала за стеной кашель Горького, его шаги, перелистывание страниц (он читал перед сном)* (с.213); о М.И. Будберг-Бенкендорф – *Он «делал глухое ухо», как выражалась М.И. Будбург (любившая, как княгиня Бетси Тверская в «Анне Карениной» переводить на русский язык английские и французские идиоматические выражения буквально)* (с.216); о Э.Триоле – *Даже Эльза Триоле (сестра Л.Ю. Брик, жившая в те годы в отеле на улице Кампань-Премьер, очень похожем на наш Притти-отель) низала бусы* (с.261); о Набокове – *У Фондаминского, где он останавливался, когда бывал в Париже, после его чтения мы однажды долго сидели у него в комнате и он рассказывал, как он пишет (долго обдумывает, медленно накапливает и потом – сразу, работая целыми днями, выбрасывает из себя, чтобы потом опять медленно править и обдумывать).* *Разговор шел о «Даре», который он тогда писал* (с.376). Эта информация может оказаться весьма полезной также для лиц, интересующихся топографией: *Я вижу Ленинград 1941-1942 года, я вижу улицу Салтыкова-Щедрина (бывшую Кировную)* (с.62); *Я вижу*

моего отца, теперь совсем маленького, худенького, в глубоком снегу, белого, как этот снег, с касторюлкой в руке, идущего к невиской проруби, скользящего по льду улицы Чернышевского (когда-то Воскресенского проспекта)...(с.62).

Наблюдения над вставными конструкциями необходимо дополнить еще одним сюжетом. У анализируемой книги весьма интересное название – «Курсив мой»². Этим названием Н. Берберова как бы давала обещание потенциальному читателю отмечать специальным типографическим шрифтом – курсивом – в своей жизни все то, что представлялось ей важным, интересным, поскольку предназначение курсива – выделять «части текста из остального текста, набранного прямым шрифтом» [1, с. 212]. А читатель уже сам сделает выводы. И в этом процессе выделения, как представляется, одним из языковых инструментов (средств) оказались вставки. Поэтому, если говорить о названии «Курсив мой», то это название, при его толковании в прямом смысле, может быть, больше всего имеет отношение именно к вставным конструкциям.

Очевидно, что Н.Н. Берберова постигала тонкости использования вставных конструкций и их возможности как коммуникативного средства не столько по учебникам русского языка, сколько пользуясь собственной языковой интуицией. Как показало проведенное исследование, вставные конструкции, с ее точки зрения, способны изменить ракурс видения ситуации, расширить информационное пространство общения автора с читателем.

Если воспользоваться новым словом, зафиксированным М. Эпштейном в своем электронном сетевом издании «Проективный лексикон русского языка «Дар слова» (№ 301 (379) от 28 мая 2012), то следует констатировать, что сегодня русскоязычное общество нуждается во вязыковле-

нии. Суть вязыковления, по М. Эпштейну, «сознательное возвращение в родной язык, постижение его невероятных возможностей» [8].

О невероятных возможностях русского языка можно узнать, внимательно читая Н.Н. Берберову. Ее русский язык по праву способен служить образцом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов /О.С. Ахманова. – М.: Сов. энциклопедия, 1979. – 606с.
2. Винокур Г.О. О языке художественной литературы: Учеб. пособие для филол. спец. вузов/ Г.О. Винокур /Сост. Т.Г.Винокур. – М.: Высшая школа, 1991. – 448с.
3. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. – М.: Знак: Языки славянских культур, 2008. – 232с.
4. Ляпон М.В. Вставная конструкция / М.В. Ляпон // Русский язык. Энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1979. – С. 49.
5. Сапрыкина Н.В. Авторская семантизация в художественном тексте /Н.В. Сапрыкина. – Одесса: 1996. – 232с.
6. Сквородников А.П. Вставная конструкция / А.П. Сквородников // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П.Сквородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. – С.85 – 88.
7. Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. Учеб.пособие для филол. спец. вузов / А.Ф. Прияткина. – М.: Высшая школа, 1990. – 176с.
8. Эпштейн М.Проективный лексикон русского языка «Дар слова» // Адрес доступа: <http://sudscibe.ru/catalog/linguistics.lexicon>